

Бурлаков А.Н.

К.и.н., доцент, кафедра новой и новейшей истории, Московский педагогический
государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье исследуется генезис политической элиты Третьей Республики во Франции, анализируется социально-политический облик и умонастроения различных фракций правящих кругов страны накануне Второй мировой войны. Выводы автора позволяют выявить глубинные причины военно-политического краха Третьей Республики в 1940 году.

Ключевые слова: Франция, Третья Республика, политическая элита

Keywords: France, the Third Republic, Political Elite

Третья Республика явилась плодом нелегкого социально-политического компромисса. Со времен Французской революции в стране возникли и вступили в непримиримую борьбу между собой два политических лагеря – республиканский и монархический. К последней четверти XIX века обе противоборствующие стороны серьезным образом дискредитировали себя в глазах народа и растратили свой политический капитал. Республиканская партия несла ответственность за банкротство Второй Республики с её невыполненными обещаниями, отвечавшими чаяниям широких народных масс.

Негативный итог деятельности противников республики был куда более значимым: все три монархических режима, сменявшие друг друга с 1815 по 1948 год, существовали относительно недолго и все закончились революциями. Реставрация была принесена на вражеских иностранных штыках, Июльская монархия погрязла в коррупции (именно тогда родился лозунг «Долой воров!», сохранивший свою актуальность и в годы Третьей Республики). И, наконец, Вторая империя привела страну к национальному унижению, военной катастрофе, территориальным потерям и очередной революции. К тому же монархисты погрязли в бесконечных династических склоках между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами. К началу 1870-х годов возник кризис власти. Об этом свидетельствовали проигранная франко-прусская война, появление на восточной границе мощного и грозного соседа в лице Германской империи, потеря части территории (Эльзас и Лотарингия) и, наконец, гражданская война (Парижская Коммуна). Этот кризис власти серьезно угрожал национальным интересам и интересам крупной буржуазии, которая была связана с обоими лагерями и финансировала их.

В условиях чрезвычайных обстоятельств, при поддержке финансовой и промышленной олигархии, произошла серьезная перегруппировка сил во властных структурах. Так родилась Третья Республика. В результате компромисса республиканцы объединились с частью монархистов. Этот союз означал для обеих сторон отступление от многих ключевых установок. Что же двигало этими политиками - здоровый прагматизм, патриотизм или беспринципность? Очевидно, и то, и другое, и третье. Однако с самого начала беспринципность становится «визитной карточкой» элиты Третьей Республики. Появились республиканские политики, как правило, из мелкобуржуазных и средних слоев, для которых парламентская демократия превратилась в ширму для коррупционных делишек. Благодаря этим политикам Республика превратилась, по меткому выражению

английского историка Т. Зелдина, в «акционерное общество, эксплуатировавшее страну ради получения прибылей небольшой группы акционеров» [3, 550].

Подобный беспринципный и торгашеский подход к национальным и государственным интересам превращал партийно-политическую деятельность в игру и даже в блеф. Политики, как правые, так и левые, на публике производившие впечатление непримиримых врагов, на деле часто принадлежали к одной и той же клике и «их больше занимали интересы, скажем, металлургической или рыбной промышленности, нежели своей партии» [3, 496]. Что же тогда говорить об интересах избирателей?

В результате боролись не партии со своими идейно-политическими программами, а клики со своими частными интересами. Парламентский характер Третьей Республики способствовал бурному расцвету интриганства в государственных и политических сферах. Последствия таких политических нравов были катастрофическими, на что указывал Марк Блок, выступавший как историк и как современник событий. Во-первых, в условиях постоянных интриг «такие качества, как ум и преданность оставались не востребованными» [1, 170]. Во-вторых, в отсутствие профессионализма исчезало государственное и геополитическое видение проблем, стоявших перед страной. «Привыкшие к коридорной политике, наши руководители считали, что они обладают необходимым спектром информации, хотя на самом деле вся их информация состояла из отрывочных и неточных сведений, случайно услышанных или переданных кем-то, – с горечью констатировал М. Блок. – Проблемы мирового и национального характера виделись им под углом их собственного соперничества» [1, 172].

Неудивительно, что Третью Республику постоянно сотрясали коррупционные и политические скандалы. Их перечисление займет немало места. «Торговля жестянками» – коррупционный скандал, приведший в 1877 году к отставке президента Ж. Греви, чей зять Д. Вильсон, вместе с рядом высших гражданских и военных чинов, организовал бойкоту торговлю высшей наградой Франции, орденами Почетного легиона (подельники презрительно окрестили их «жестянками»). Панамский скандал (1888 – 1893 гг.) – коррупционный скандал, связанный со злоупотреблениями компании по строительству Панамского канала (подкупы видных политиков и центральной прессы) и приведший к разорению 800 тысяч обманутых акционеров. Смерть в 1899 году президента Ф. Фора, скандальные обстоятельства которой дискредитировали высшую власть и вызвали выступления крайне правых сил. Дело Дрейфуса (1894 – 1906 гг.) – крупнейший в истории Франции общественно-политический кризис, в основе которого лежало ложное обвинение офицера А. Дрейфуса, еврея по национальности, в шпионаже в пользу Германии; реакционная часть общества использовала этот кризис для дискредитации республиканских институтов. Дело Ставиского (1933 – 1934 гг.) – финансовая афера русского эмигранта и нечистоплотного дельца А. Ставиского, связанного с правительственными кругами; этот скандал вызвал серьезные антиправительственные волнения и попытку путча. Масштабная коррупция была присуща всей вертикали власти. «Все громкие скандалы были лишь распространением обычной практики с местного на национальный уровень», – отмечает Т. Зелдин [3, 500].

Таким образом, по мере становления и укрепления подобных нравов и традиций правящая элита Третьей Республики постепенно утрачивала искусство управлять и политическую волю, оказывалась неспособной определять геополитические задачи страны и решительно их реализовывать. Серьезные испытания периода 1870 – 1918 гг. (франко-прусская война, Первая мировая война) вызвали напряжение жизненных сил нации и привели к появлению крупных фигур во французской политике: сначала это были Л. Гамбетта и А. Тьер, а затем – Ж. Клемансо и Р. Пуанкаре. В конце 1920-х – начале 1930-х годов ушли из жизни последние крупные политики Третьей Республики (Ж. Клемансо, Р. Пуанкаре, А. Бриан). Им на смену приходят люди, видевшие смысл

политики в улажении собственных амбиций, личных или клановых интересов; люди, погрязшие в интригах.

В межвоенный период государственная машина Третьей Республики начинает все чаще пробуксовывать. Даже те, кто обладал административными талантами, были не в состоянии исправить. Вот свидетельство генерала де Голля, наблюдавшего работу этой машины изнутри: «Во главе министерских кабинетов я видел, несомненно, достойных, а порою и исключительно талантливых людей. Но особенности самого политического режима сковывала их возможности и приводила к напрасной трате сил. Я наблюдал, как повторяется одна и та же игра. Едва приступив к исполнению своих обязанностей, глава правительства сразу же сталкивался с бесчисленным количеством всевозможных требований, нападков и претензий. Всю свою энергию он безрезультатно тратил на то, чтобы положить им конец. Со стороны парламента он не только не встречал поддержки, но напротив, последний строил ему различные козни и действовал заодно с его противниками. Среди своих министров он находил соперников. При этом все знали – и он в первую очередь – что дни его сочтены: продержавшись несколько месяцев у власти, он вынужден будет уступить свое место другому» [2, 27].

К концу 1930-х годов политическая система Третьей Республики разбалансировалась, а ее элита измельчала и выродилась. Вот почему в момент наивысшего напряжения сил, в начале Второй мировой войны, режим Третьей Республики обанкротился. Люди, стоявшие у власти, разбежались, бросив страну и столицу, и в далеком от театра военных действий Бордо передали всю полноту властных полномочий Ф. Петэну, малодушно спрятавшись за спиной у престарелого маршала, героя Первой мировой войны.

Таково было республиканское крыло элиты Третьей Республики. Но в эту элиту вошла и часть монархистов в лице аристократов и офицеров. В силу своего высокого общественного положения, компетентности в управлении, финансовых возможностей, привычке властвовать военно-аристократические круги сумели интегрироваться в правящие структуры. Однако примирение с Республикой военных и аристократов было неполным и неискренним. Их присутствие в элите имело пагубные последствия для режима.

Находясь на высоких гражданских и военных постах, эти люди презирали и даже ненавидели республиканские ценности, навязанные им. В результате их поведение, высказывания, стиль зачастую противоречили образу мыслей и правилам поведения республиканца. В этих людях чувствовалась иная, чуждая республиканизму закваска, что порождало в народе недоверие не только к ним, но и ко всему режиму. М. Блок справедливо писал по этому поводу: «Демократия теряет свои достоинства и перестает быть демократией, если во главе стоят люди, в глубине души презирающие и ненавидящие ее, поскольку сами они происходят из тех слоев, которые были уничтожены демократическим режимом; они скрепя сердце называют себя демократами и не очень-то жаждут служить на благо нашей страны» [1, 174].

Помимо скрытого антиреспубликанизма в менталитете монархической части элиты присутствовали зачатки пораженчества, которое охватит элиту Третьей Республики в конце ее существования. Еще в 1814 – 1815 гг. военно-аристократические круги увидели в иностранной интервенции возможность возродить монархию вопреки общественному мнению и народным настроениям. В 1871 году, перед лицом Парижской Коммуны, они быстро нашли общий язык с пруссаками. В 1936 году Гитлер будет казаться им предпочтительнее Народного Фронта, угрожавшего их корпоративным интересам. «Таким образом, - справедливо указывал М. Блок, – во Франции образовалась группа людей, враждебно относящихся к французской истории; группа, которая всегда терпела

поражение и, ожесточившись из-за этого, действовала против всей нации, желая всей стране бедствий и страха» [1, 197].

В исследовании причин падения Третьей Республики особого внимания заслуживает армия, кадровое офицерство, генералитет. Армейская верхушка Третьей Республики находилась в своеобразной самоизоляции. «Армия, стремившаяся в первую очередь к сохранению порядка, иерархии, имела отличную от республиканской систему ценностей», – отмечает Т. Зелдин. – Ее офицеры-католики оставались живыми носителями идеалов Старого порядка» [3, 581-582]. Она жила воспоминаниями об ушедших временах славы. Как и в семье будущего генерала де Голля, в семьях многих военных вместо 14 июля, главного и по сей день национального праздника республиканского характера, отмечали 30 мая. Это день праздника канонизированной католической церковью святой Жанны д'Арк, имя которой ассоциировалось с возрождением монархии в горниле Столетней войны [4, 9]. До 1970 года в справочниках об офицерском составе указывался не только военный чин, но и дворянский титул (если таковой имелся). Военным, по-преимуществу католикам, претила антиклерикальная политика республиканской части элиты, а республиканцы с подозрением относились к армии, видя в ней потенциальную угрозу своему режиму. Связь офицерства и генералитета с руководством страны была лишена доверительности и духа искреннего сотрудничества людей, делающих одно дело.

Как ни странно, Первая мировая война, выигранная Францией и ее союзниками, не прибавила исторического оптимизма французскому генералитету и не привела к его обновлению. Очевидно, республиканское большинство политической элиты Третьей Республики из-за недоверия к военным предпочитало видеть на высших должностях лояльных дряхлеющих героев Первой мировой войны, окруженных почетом и славой, чем молодых, энергичных офицеров, имевших собственное мнение, не всегда совпадавшее с мнением политиков, как это было с полковником де Голлем. К 1930-м годам верхушка армии, по меткому выражению известного французского журналиста тех лет Пертинакса (Андре Жиро), «напоминала закрытый аристократический клуб» [5, 333].

В результате к началу Второй мировой войны во главе французской армии оказались пожилые люди, жившие стратегией и тактикой прошлой войны, не понимавшие значение танков, авиации, пропаганды и т.д. «Наблюдая за тем, как немцы совершенствуют свои технологии, мы даже не пытались вникать в них, а между тем, это было признаком новой эры вооружения, – писал о последствиях «командования стариков» М. Блок. – Таким образом, на поле битвы столкнулись два противника, принадлежащих к разным эпохам» [1, 60].

Но у этих заслуженных ветеранов был еще один психологический изъян. Убитые и искалеченные друзья и враги, газовые атаки, артиллерийские мясорубки, разрушенные города и деревни, страх и отчаяние мирного населения – все эти и другие ужасы прошлой войны, несмотря на победу, на всю оставшуюся жизнь запечатлелись в душах ветеранов и парализовали их волю. Гитлер со своим относительно молодым военным командованием в этом отношении имел преимущество перед французами. Стареющие, с подорванным войной здоровьем, французские генералы и маршалы подсознательно противились повторению ужасов прошлой войны и понимали, что в силу своего психологического и физического состояния они не выдержат подобного испытания.

Пессимизм военачальников питало и недоверие к политическому режиму, которому они были вынуждены служить. Это недоверие выливалось в неверие командиров в своих подчиненных. Известный французский журналист тех лет Андре Симон назвал этот психологический настрой своего генералитета «духом Мажино». В 1940-м году он писал: «Французский генеральный штаб в своих расчетах полагался в первую очередь на бетонные линии Мажино, а не на людей, посланных для их защиты» [5, 173].

Итак, физическое старение военного командования, нанесённая Первой мировой войной психологическая травма, порождённый ею страх, недоверие к подчинённым порождали слепую приверженность генералитета оборонительной стратегии, бездеятельность в области перевооружения и даже открытые пораженческие настроения. Во время мюнхенского кризиса, на заседании французского правительства 13 сентября 1939 года, был рассмотрен документ о состоянии вооружённых сил Франции, основанный на меморандуме главнокомандующего генерала Гамелена. По его мнению, французская армия настолько уступала германской, в особенности в отношении авиации, что Франция не могла пойти на риск вооружённого конфликта. Гамелен полагал, что в случае войны положение Франции будет безнадежным [5, 151]. Другой видный военачальник, генерал Вейган, писал в докладе премьер-министру Думергу: «В настоящее время армия находится на самом низком уровне, который позволяет безопасности Франции в современной Европе» [6, 327]. Эти настроения пессимизма и пораженчества передавались и подчиненным.

Таким образом, военно-аристократическое крыло правящей элиты Третьей Республики с её пораженческими, а зачастую и прямо антинациональными настроениями играло роль троянского коня. Эти настроения предвосхищали поражение 1940-го года, охватившее почти всё французское общество.

Подводя итог всему сказанному о правящей элите Третьей Республики, можно сделать вывод: если её республиканская часть своей беспринципностью и делячеством объективно подрывала основы собственного режима, то её военно-аристократическое крыло, оставаясь внутри системы, сознательно работало против неё, всячески желая ей поражения.

Хотя военно-аристократическое крыло правящей элиты уступало в межвоенный период по политическому весу и влиянию республиканскому крылу, оно оказало огромное воздействие на институты и нравы Третьей Республики. Причины подобного воздействия кроются в начальном периоде Третьей Республики, когда монархисты преобладали в правительстве и парламенте. Символично, что двумя первыми президентами Третьей Республики были убеждённые монархисты – сначала орлеанист А. Тьер, а затем легитимист маршал Мак-Магон, готовившийся передать власть «законному» монарху. Символично и то, что в тексте конституции Третьей Республики не были прописаны республиканские институты, которые вскоре предполагалось заменить на монархические. И только окончательная ссора между легитимистами и орлеанистами в 1873 году помешала Франции вновь превратиться в монархию.

Сосуществование с военно-монархическими элементами вкупе с национальными традициями сильного централизованного государства способствовали приобретению республиканской элитой и Третьей Республикой в целом определённых монархических традиций управления. Несмотря на расширения прав и свобод граждан в рамках конституционного развития, в реальности Третья Республика представляла собой жёстко выстроенную вертикаль власти, которая не колеблясь использовала всю свою бюрократическую и военную мощь для защиты власти привилегированных – буржуазии, местных нотаблей, парламентских и правительственных клик. Непотизм, кумовство, коррупция были распространены при Третьей Республике не меньше, чем во времена Июльской монархии, которую республиканцы яростно критиковали за указанные пороки. «Свободный гражданин Третьей Республики продолжал жить в рамках мощного авторитарного государства, – пишет Т. Зелдин, – С точки зрения народа новые республиканские префекты, мэры и государственные служащие просто являлись представителями одной клики, пришедшей на смену другой. В окружении друзей и приспешников они могли приобрести те же привилегии, какими обладали аристократы» [3, 420].

Таким образом, Третья Республика изначально обладала некоей двойственностью, роднившей её со Старым порядком и монархическими режимами XIX века. Ей был изначально присущ разрыв между декларируемыми ценностями и практикой. Со временем эта двойственность всё более усиливалась, обнажая разрыв между декларируемой верностью демократическим принципам и реальностью, в которой царили коррупция, авторитаризм и неравенство. Усиливалось соответственно и разочарование народа в Третьей Республике. И здесь мы обнаруживаем ещё одну важную причину её падения.

Итак, мы видим, как медленно, но верно в межвоенный период Франция сползает к национальной катастрофе. Налицо полное ослабление государственной власти, неспособной управлять и контролировать социально-экономические и политические процессы, происходившие в стране. В основе ослабления государства – неудачный, нежизнеспособный, неискренний компромисс между правящими элитами (республиканской и монархической), на котором покоилось всё здание Третьей Республики. В правящих кругах наблюдалось отсутствие единства в понимании национальных интересов, в определении целей правительственной политики и путей их достижения. Разрыв между провозглашёнными идеалами и реальной политикой правящих элит привёл к глубокому идейному и духовному кризису общества, к дискредитации власти и республиканских ценностей, на которых формально был основан режим.

Литература

1. Блок М. Странное поражение / Пер. с фр. Е. В. Морозова.- М.: РОССПЭН, 1999. – 287 с.
2. Голль Ш де. Военные мемуары. Призыв. 1940 – 1942 / Пер. с фр. Анфилофьева А.А., Арзуманова Ю.Б., Гак В.Г. и др.– М.: Издательство АСТ, 2003. – 814 с.
3. Зелдин Т. Франция. 1848 – 1945 / Пер. с англ. М.А. Леоновича, Д.В. Голубцова, К.В. Жвакина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2004. – 672 с.
4. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. – М.: Международные отношения, 1972. – 496 с.
5. Симон Андре, Уотерфилд Г., Моруа А., Жеро А., Ромэн Ж. О тех, кто предал Францию. – М.: ОГИЗ, 1941. – 399 с.
6. Gorce, P-M. de. La République et son armée. – P.: Fayard, 1962. – 708 p.